

Но разве не сильно в этой пьесе позитивное начало? Сколько чудесных народных характеров! И как прилагательна молодая интеллигенция — судья, адвокат, председатель колхоза, которые так бескомпромиссно, с такой смелостью воюют против косности и равнодушия! Да и сам факт появления такого произведения свидетельствует о том, что нашему обществу под силу справиться со многими нелегкими задачами, которые выдвигает перед нами жизнь. Такую определенность авторской позиции, такую художественную цельность неплохо было бы более явственно ощутить в «Сверстниках».

— Я, кажется, уличаю сам себя в непоследовательности. Выше говорил, что режиссер должен быть убежденным в том, что он берет «единственную», очень нужную для него и других пьесу. В отношении «Сверстника» с такой определенностью этого сказать,

дел возможность поднять гораздо более серьезные проблемы. Очевидно, не случайно явился и образ карусели, которая как бы захватывает в свой беспокойный бег героев спектакля. Сегодня причина для такой суеты — поступление сына в институт, завтра могут быть другие мотивы. А ведь, если разобраться, часто такая круговерть возникает во имя того, чтобы было «как у людей», от инерции мысли, нежелания «остановиться, оглянуться», посмотреть на свои собственные поступки строгим, взыскательным взглядом. И в такой карусели можно провертеться всю жизнь. Мещанство быта может перерасти в мещанство духа. Так что проходной балл получить должны не столько молодые герои пьесы, сколько люди старшего поколения, с которых, естественно, и спрос больше.

Надо уметь отличить большие цели от малых, способных разве только тешить

прав в пользу государственной власти; трагическая вина Федора — это использование власти при совершенном нравственном бессилии. И мы хотели, чтобы наш спектакль заставил задуматься над трагедией доброты и чистого, но бессильного в нравственном отношении человека.

— Очевидно, с таких же, современных позиций надо подходить к «Маршу Акпарса»? Он тоже способен дать немало пищи для размышлений не только о прошлом, но и настоящем...

— И даже о будущем! Роман популярен среди читателей. Это должно облегчить работу театра...

— А может быть, в какой-то степени осложнить ее. Ведь у многих читателей возникли свои представления о героях книги. В какой степени надо учитывать это? Спектакль — не материал для чтения. Он должен жить своими, присущими сцене законами. Мы с автором сейчас много думаем над тем, чтоб появился особый нерв действия. Конечно, главная цель спектакля — показать исторические силы, способствующие присоединению марийского края к Русскому государству. Но ведь судьбы народные — судьбы человеческие. И от меня, режиссера, многое будет зависеть, чтобы яркие и колоритные фигуры царя и ханов не заслонили тех, кто является подлинным творцом истории, — народа. Мне хочется, чтобы на сцене ожили яркие характеры. Чтоб зритель восхищался смелостью, героизмом, раздвигая наше отвращение к доведущию, подлости, корысти, алчности. Не абстрактные носители идей, а живые люди, страдающие, радующиеся, борющиеся должны действовать на сцене.

— Да, проза всегда обогащала театр. Она приносила в него свой крут образов и тем, идеи, которые нередко оказывались на переднем фланге общественной жизни.

— Но сейчас драматургия, пожалуй, стала обогнать прозу. Драматургия берется за самые острые проблемы современности. Когда мы начинали работу над «Тревогой», мы не могли не вспомнить о том, сколько интересных драматургов дала за последнее время Белоруссия. Вспомнили и Кондрата Крапиву, и Андрея Макаенку, и Александра Петрашкевича, и Василия Быкова, и Николая Матуковского. Этот список могут дополнить фамилии писателей других братских республик, чьи пьесы идут сейчас во многих городах страны и получили подлинно всенародное признание. Вспоминаются и Ч. Айтматов, Н. Думбадзе, Р. Ибрагимбеков, Д. Валеев и многие другие авторы. Да простят меня наши марийские драматурги, они еще в большом долгу перед театром.

— Может быть, не все, что я сказал, бесспорно. Но пусть знает читатель, что эти строки родились в нелегких раздумьях. Они — диалог с самим собой.

Г. КОНСТАНТИНОВ,
главный режиссер
Республиканского русского театра.
Фото В. Асоченского.

СОВРЕМЕННОСТЬ — ДУША ТЕАТРА

Диалог с самим собой

СЛОЖНЫЕ мысли овладевают мною, театральным режиссером, когда я раскрываю новую пьесу. Пьес сейчас пишется немало. Есть и так называемые «производственные пьесы», и лирические комедии, и изобилующие сложностями психологические драмы. И сколько таких пьес при чтении стучится в сердце, заставляет размышлять над способом их сценического воплощения! Размышлять, чтоб... потом отложить в сторону полюбившийся материал. Потому что наш театр может размахнуться на четыре—шесть премьер в год. И, если я беру пьесу, я должен быть уверен, что именно она, более чем какая-либо другая, отвечает задачам дня, помогает благородному процессу воспитания нового человека — создателя, патриота, интернационалиста.

И сколько раз при выборе пьесы мне приходится вести внутренний диалог с самим собой, приводить «за» и «против» по поводу драматургического материала.

По моему глубокому убеждению, современную пьесу должна отличать доброта, светлое видение жизни.

— А не противоречили бы ты сам себе? — вступает в спор мой внутренний голос. — Вот, например, «Тревога», которую наш коллектив так единодушно принял к постановке. Это современная, очень нужная сейчас пьеса, но разве она — жизненноутверждающая?

— Да, именно такую я ее представляю, — отвечаю я сам себе. — И пусть наш зритель становится свидетелем трагических событий, участником судебного разбирательства, пусть автор бьет тревогу по поводу такого социально опасного явления, каким является пьянство,

очевидно, нельзя?

— О пьесе, как и о человеке, нехорошо говорить с позиции того, что в ней отсутствует. Справедливее говорить сначала о том, что в ней есть. В ней есть привлекательные характеры молодых рабочих девиц, поднимается очень нужная сейчас тема рабочего наставничества, воспитания в трудовом коллективе. И когда я говорю об интересных характерах, мне хочется подчеркнуть, что меня они привлекли не своей бодростью, оптимизмом (в чем авторы, по-моему, переусердствовали). Авторы сумели передать свое беспокойство по поводу того, что в наших сегодняшних молодых людях иногда рациональное начало заглушает эмоциональное, расцветает рационализм, близко стоящий к эгоизму. А ведь человек, лишенный способности отзываться на боль других людей, должен вызвать к себе наше внимание. Откуда она, такая аномалия? И не срывается ли все это с мещанством, которое, как известно, является удивительно живучим, многоликим?

— А «Проходной балл» таких беспокойных мыслей не рождает?

— По-моему, и он дает немало и артистам, и зрителям. Есть в забавной, непритязательной истории, поведенной авторами, нечто такое, что привлекло к этой пьесе наше внимание.

— История неумолимого желания поступить в институт — в какой угодно, какими угодно способами и средствами?

— Нет, я был бы сам о себе очень неважного мнения, если бы меня увлекла только идея заклеить такое, в сущности недолговечное явление. В пьесе я уви-

дываю тесноту. Да, совсем не пустячок дает повод поднять эта веселая пьеса. И еще одно в ней есть хорошее качество: она рождает импровизационное самочувствие и у актеров, и у меня, режиссера. Если же зрители не «заразились» мыслями, о которых я рассказал выше, то в этом, очевидно, виноваты мы, театр. Современную пьесу вообще нелегко ставить.

— Не труднее, однако, чем пьесу историческую?

— В этом я не уверен. Во многих исторических пьесах огонек зрительского внимания подогревается экзотическим сюжетом, яркостью постановки, костюмами. А увидеть на сцене своего современника — значит зачастую увидеть самого себя. И от театра требуется особая выверенность художественных средств.

— Выходит, классика, пьесы на исторические темы требуют другого подхода, нежели современная пьеса?

— Подход определен еще великим Гоголем, который говорил, что на классику надо смотреть «свежими, нынешними очами». Впрочем, на то она и классика, чтобы обладать способностью переключаться со многим, что волнует, тревожит и радует нас сегодня. Мне бы очень не хотелось, например, чтобы наши зрители уходили с «Царя Федора» только с ощущением, что они увидели картины давно ушедшего от нас времени. Нет, спектакль должен помочь утвердиться в гуманных мыслях, важных для человека сегодняшнего общества. Разве не стоит вдуматься в то, как характеризует А. Толстой главного героя пьесы: «Трагическая вина Иоанна была погребение всех человеческих